

УДК 159.99

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РККА В 1920-х годах¹⁾

© 2020 г. И. Н. Елисеева^{1,*}, Ю. Н. Олейник^{2,**}, Ю. И. Радченко^{1,***}

¹Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 100, Россия.

²Московский гуманитарный университет;
111395, г. Москва, ул. Юности, 5, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-практического центра.
E-mail: vagsh@mil.ru

**Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии.
E-mail: yurii03@mail.ru

***Начальник научно-практического центра.
E-mail: vagsh@mil.ru

Поступила 12.03.2020

Аннотация. Выявление показателей институционализации психологических знаний способствует реконструкции сложной динамики развития отечественной психологии. В качестве одного из таких показателей рассмотрено создание и функционирование официально утвержденных научных и научно-практических центров. Показателем институционализации военно-психологических исследований в начале 1920-х годов выступила организация Опытной психологической лаборатории при Академии Генерального штаба РККА. Выделены два этапа ее работы, отличающиеся тематикой исследований и персональным составом. Одним из индикаторов деинституционализации военно-психологических исследований в этот исторический период стала ликвидация лаборатории.

Ключевые слова: история психологии, военно-психологические исследования, институционализация, научно-практический центр, опытная психологическая лаборатория, психотехника.

DOI: 10.31857/S020595920010439-8

Актуальной проблемой современных историко-психологических исследований является выявление показателей институционализации производства психологических знаний. В их качестве можно рассматривать и подготовку профессиональных кадров с выдачей дипломов, и выпуск научных периодических изданий, и проведение масштабных научных мероприятий. Одним из важных показателей такой институционализации является *организационный показатель* — наличие официально утвержденных и функционирующих научных и научно-практических центров. История создания и деятельности таких центров, с одной стороны, свидетельствует об актуальности, востребованности и динамике определенных направлений психологических исследований и разработок в конкретный исторический период; с другой — раскрывает сложный, а иногда и драматический путь формирования отечественной академической и практической

психологии в контексте развития общества; с третьей — показывает роль и значение отдельных ученых и практиков, часто забытых или неизвестных, в становлении психологии. Все это в совокупности обеспечивает воссоздание целостной картины развития отечественной психологии в ее проблемно-тематическом, организационно-управленческом и кадрово-коммуникационном аспектах (подробно см. [9–11]).

Важным направлением теоретических и в первую очередь практических разработок в нашей стране в период 1920-х годов, наряду с педологическими исследованиями в образовании и психотехническими — в промышленности, гораздо менее изученными являются *военно-психологические* исследования. Этим термином обозначаются психологические разработки и исследования, проводимые на контингенте военнослужащих и в интересах повышения боеспособности армии, в рассматриваемый исторический период — Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

¹⁾ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-013-00779.

В качестве *гипотезы нашего исследования* рассматривается предположение, что институционализация военно-психологических исследований в РККА связана с созданием Опытной психологической лаборатории (ОПЛ) при Академии Генерального штаба РККА.

Упоминания ОПЛ среди других московских психологических научно-практических центров 20-х годов XX в. содержались в ряде публикаций [15; 29], однако конкретные и развернутые сведения о ее организации стали появляться относительно недавно, с 2016 г. [6; 23]. Дальнейшие исследования, результаты которых представлены в настоящей статье, позволили реконструировать историю ОПЛ начиная с ее открытия в 1920 г. до ликвидации в 1924 г.

Источниковой базой настоящей работы явились: материалы Российского государственного военного архива; сборники Академии Генерального штаба РККА; научные труды, посвященные отдельным персоналиям и направлениям психологии, имеющим отношение к работе ОПЛ; труды сотрудников ОПЛ и связанных с ее работой исследователей.

ОПЛ была создана приказом Реввоенсовета Республики от 2 марта 1920 г. № 340, тогда же утверждено Положение, определен штат в количестве 20 единиц, выделены средства на приобретение оборудования и инструментария. С одной стороны, ОПЛ находилась в прямом подчинении начальника академии, а с другой — являлась лабораторным дополнением к кафедре военной психологии. Заведующий лабораторией назначался начальником академии (без согласования с кем-либо) из числа “обладающих полным знакомством и опытом в деле психологического исследования и достаточным военно-образовательным цензом” (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9. Л. 167).

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ЛАБОРАТОРИИ

Доктор Тимофей Ефимович Сегалов (1881–1928), первый заведующий ОПЛ, приступил к работе в академии 22 марта 1920 г. (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157. Л. 116 об.). В период Первой мировой войны Т.Е. Сегалов опубликовал несколько статей о контузиях военного времени, которые вызвали дискуссию в профессиональном сообществе. Никаких иных сведений о его работе по проблемам военной психиатрии, неврологии или военной психологии до 1920 г. обнаружить не удалось. Несколько позже, 29 марта 1920 г., приступил к выполнению обязанностей помощника начальника ОПЛ

полковник Филипп Григорьевич Павловский (1867–?). В апреле 1920 г. была принята на работу большая группа сотрудников, включая Наталию Павловну Ферстер (1888–?). В начале мая были приняты на работу Николай Иванович Жинкин (1893–1979) (лаборант ОПЛ) и Николай Александрович Рыбников (1880–1961) (помощник заведующего ОПЛ) (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157. Л. 6–135 об.).

Примечательно, что согласно приказам по академии все сотрудники ОПЛ через 2–3 недели после поступления на работу “зачислялись на провиантское, приварочное и чайное довольствие по фронтовым нормам”, даже если работали по совместительству (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 159. Л. 249).

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В апреле–мае 1920 г. велась активная работа по обустройству рабочих помещений лаборатории, закупались литература, оборудование и инструменты. В мае–июне 1920 г. были приобретены “коллекции для психологических испытаний по методу О-де-Санктиса и по методу Россолимо”, также тахистоскоп, миллиамперметр и т.д. Помимо перечисленных приборов и инструментария в сентябре 1920 г. в распоряжении лаборатории были: миллисекундомер, динамоскоп, эстезиометр, мнемометр, кимограф, циркуль Вебера и кубы для изучения иллюзии тяжести (РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186. Л. 41). Таким образом, ОПЛ была оснащена для проведения как психологических, так и психофизиологических исследований, однако данных по результатам последних обнаружить не удалось. В дальнейшем средства на покупку нового или починку вышедшего из строя оборудования не выделялись, и сотрудники ОПЛ планировали исследования, ограничиваясь самыми простыми методиками, не требующими применения оборудования. В этот период была сформирована небольшая библиотека, которая включала 34 издания. Наряду с другими, в нее вошли работы К.Н. Корнилова, Т. Рибо, Н.А. Рыбникова, В.Е. Смирнова, Г.И. Челпанова и др.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПЕРВОГО ЭТАПА

В это же время разворачивалась научно-исследовательская работа. Начиная с 22 апреля 1920 г. почти еженедельно проводились конференции

(совещания) лаборатории под руководством Т.Е. Сегалова. К участию в конференциях приглашались сотрудники ОПЛ и других подразделений академии, руководство академии, а также представители центральных органов военного управления и профильных гражданских организаций. Тематика конференций была самой разнообразной: от организации исследований до “постройки” тахископа. Включение в повестку конференций таких вопросов, как изучение индивидуальных особенностей командиров и разработка плана массового анкетирования красноармейцев, совпало с приходом в ОПЛ Н.А. Рыбникова и Н.И. Жинкина.

Психологические исследования проводились по приказам начальника академии. Первое исследование проведено 24 апреля 1920 г. и было направлено на изучение индивидуальных способностей при составлении военного донесения по правилам Полевого устава. В результате была установлена взаимосвязь между скоростью, продуктивностью мышления и “лаконичностью, формой операции и другими моментами в письменном донесении”. В этом исследовании в качестве респондента принимал участие председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–9).

Исследование, направленное на изучение “творческих ассоциаций”, было проведено 6 мая 1920 г. Предположительно в этом исследовании использовалась методика, при которой испытуемый должен был перечислить возникающие ассоциации в ответ на названное экспериментатором слово, при оценке учитывалось количество “экстенсивных” ассоциаций [16, с. 279]. В отчете о работе ОПЛ в сентябре 1920 г. представлена кривая распределения количества ассоциаций, близкая к кривой нормального распределения.

В сентябре 1920 г. был подготовлен отчет о работе ОПЛ, включенный в отчет о двухлетней деятельности академии. Основные задачи ОПЛ в этом отчете конкретизированы: “изучение элементов военной психологии” и разработка “методов для оценки и отбора лиц, пригодных для военной деятельности, особенно в командных должностях” (РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186. Л. 2–30 об.).

Меньше чем за 6 месяцев сотрудниками ОПЛ, помимо упомянутых ранее исследований, экспериментально изучалось слуховое восприятие, “реконструкция” (по всей видимости — комбинаторные способности) с участием слушателей академии и слушателей Военно-педагогического института (сотрудники ОПЛ не дали определения комбинаторной способности, опираясь на данные о психодиагностических методиках, имеющихся

в распоряжении ОПЛ, уместно предложить следующее определение: “способность сочетать известные предметы в известную группу так, чтобы получилось одно определенное целое” [24, с. 44]). Также была разработана анкета о вожде-командире, направленная на выявление профессионально важных качеств военачальников и офицеров штабов.

Как несомненное достижение лаборатории, указывались разработка и внедрение методики проведения “коллективных опытов”, т.е. групповых психодиагностических исследований. В чем суть этой методики и чем она отличается от групповых исследований, проведенных, например, в американской армии в 1917 г., в документах лаборатории не указано.

В планах ОПЛ указывалось изучение вопросов “военно-трудового перевоспитания морально дефективных и социально изуродованных подростков”, разработка программы лекций и занятий для системы всеобщего воинского обучения, консультативная поддержка по исследованию читательских интересов красноармейцев, изучение воздействия агитационных и пропагандистских плакатов, выявление желательных и нежелательных качеств красного командира и критериев отбора лиц для назначения на штабные должности, разработка инструментария для исследования влияния “звуковой команды” на выполнение приказов. Таким образом, в планы работы ОПЛ на этом этапе были включены задачи, ориентированные на государственный и ведомственный масштаб, при этом задачи, связанные с академией, прямо сформулированы не были. Предположительно перечень этих задач не был объединен единым замыслом. Скорее его можно соотнести с научными интересами и последующими исследованиями (после работы в ОПЛ) ряда ее сотрудников: Т.Е. Сегалова, Н.А. Рыбникова, Н.И. Жинкина, Н.П. Ферстер.

В ближайших планах ОПЛ стояла подготовка к изданию первого тома трудов. Помимо статей начальника академии А.Е. Снесарева и сотрудников ОПЛ, планировались публикации Р.Ю. Виппера и Л.А. Бызова — сотрудников Института социальной психологии. По воспоминаниям Л.А. Бызова, институт и представители РККА разработали обширную программу социально-психологических исследований, однако она не была реализована [1]. О связях ОПЛ и Института социальной психологии свидетельствует и выступление Н.И. Жинкина 21 июня 1921 г. на заседании института. В докладе о деятельности ОПЛ (апрель 1922 г.) также упомянуто сотрудничество с Институтом социальной психологии, а Л.А. Бызов и Р.Ю. Виппер указаны

консультантами, участвовавшими в некоторых конференциях ОПЛ.

В целом ОПЛ была ориентирована на развитие межведомственных профессиональных коммуникаций. Так, в докладе ОПЛ, подготовленном в апреле 1922 г., в качестве участников такого взаимодействия указаны: Центральный институт труда ВЦСПС, Московский психоневрологический институт, Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, Центральный комитет Российской Коммунистической Партии Большевиков и др.

Свидетельством включения ОПЛ в широкую сеть научных коммуникаций является эпизод, связанный с историко-филологическим факультетом Нижегородского университета. По данным Н.Ю. Стоюхиной, в апреле 1920 г. на заседании факультета было принято решение о создании комиссии по разработке проекта Института изучения революционной современности. В состав комиссии в том числе вошли ученики Г.И. Челпанова: П.С. Попов и Н.В. Петровский (в 1923–1924 гг. — сотрудник ОПЛ), при этом первый был командирован в Москву для уточнения задач по этому вопросу. После командировки П.С. Попов предложил “обратиться в опытную психологическую лабораторию Генерального штаба в Москву с целью организации постановки этого дела в Нижнем Новгороде”; в дальнейшем в университете к этому вопросу не возвращались [26, с. 131].

О некоторых результатах работы ОПЛ в начале 1921 г. можно судить по статье лаборанта ОПЛ Н.И. Жинкина “Что такое психотехника военного дела” [8]. В статье кратко описаны результаты исследований, проведенных ОПЛ. Помимо уже упомянутых, автор указал исследования пространственного интеллекта, в котором приняли участие слушатели академии, красноармейцы и учащиеся школ 14–17 лет. В результате была выявлена взаимосвязь выраженности пространственного интеллекта и уровня образования. В докладе ОПЛ, подготовленном в апреле 1922 г., это исследование описано более подробно: испытуемым необходимо было правильно выбрать направление в пространстве и графически его зафиксировать. Представляется, что здесь можно проследить влияние “метода единого процесса” А.П. Нечаева, деятельность которого в дальнейшем станет весьма значимой для ОПЛ, а сам “метод единого процесса”, который предполагал возможность использования одних и тех же методик для изучения особенностей интеллектуально-мнестической сферы респондентов различных возрастов и уровня образования, подвергал критике И.Н. Шпильрейн [28, с. 261].

Статья Н.И. Жинкина представляет интерес тем, что в ней перечислены перспективные проблемы военной психотехники: 1) разработка методологии и методики профессионального психологического отбора военнослужащих: от руководящего состава до рядовых бойцов; 2) “приспособление оружия к солдату” по аналогии с “фабричной психотехникой”; 3) изучение внешних факторов, влияющих на психическое состояние и поведение военнослужащего, его психологическую готовность к участию в боевых действиях (называя эти факторы внешними, автор указывал, что важна не объективная характеристика этих факторов, а то, как они отражаются в сознании военнослужащего).

Обсуждая методологические и методические трудности изучения этих факторов, автор указывает на актуальный аспект даже для современных психологических исследований: разрыв между изучением индивидуально-психологических качеств военнослужащих и *коллективным характером их деятельности*. По мнению Н.И. Жинкина, эта сложная задача могла быть решена в рамках коллективной психологии.

Таким образом, в статье лаборанта ОПЛ Н.И. Жинкина просматриваются элементы программного заявления не только в отношении деятельности ОПЛ, но и в отношении *военной психотехники* в целом. К сожалению, на данный момент не представляется возможным установить, насколько идеи, изложенные в статье, разделяли другие сотрудники ОПЛ.

Еще одно свидетельство о деятельности ОПЛ относится к апрелю 1922 г. и содержится в докладе, направленном в Управление делами всех военных академий РККА. В докладе сформулирована цель деятельности ОПЛ как содействие “воссозданию военной мощи Республики” посредством “систематического изучения всех отделов психологии, так или иначе связанных с военной практикой: проблема воли, воспитание военных масс, проблема характера и личности в связи с психологией вождя, внушение и воздействие, психология пропаганды и т.д.”, подчеркивается *междисциплинарный характер* исследований ОПЛ, охватывающих “генетические, психопатологические и экспериментально-психологические” проблемы (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–9). Указывается, что методы исследования ОПЛ подбирает, исходя из исследовательской задачи и опираясь на уже имеющийся методический арсенал психологии. Разработка новых методов комплектования и отбора военнослужащих, в том числе командного состава, и распространение среди командного состава психологических знаний, необходимых для

эффективной деятельности, также отнесены к задачам ОПЛ.

В докладе кратко приведены результаты анализа ответов на анкету о вожде-командире, представленную еще в отчете ОПЛ в сентябре 1920 г., которую заполнили более 600 человек с различным уровнем образования и служебным положением. Наиболее значимыми качествами для вождя-командира стали волевые качества: “сильная воля, выдержанность, решительность, настойчивость”. Меньшими по значимости выступили коммуникативные, управленческие качества и ценностно-смысловые ориентации: “внимание к подчиненным, умение разбираться в людях, любовь к делу, политическое развитие”.

В докладе указывается, что на основании психологического исследования 250 кандидатов на обучение и уже поступивших слушателей академии были обоснованы критерии психологического отбора поступающих на обучение в академии. Исследование проходило в индивидуальной форме и занимало около двух часов на одного человека. Изучались особенности памяти, внимания и мышления. Была выявлена положительная взаимосвязь ряда показателей с внешним критерием — экзаменационными оценками на вступительных экзаменах (коэффициент корреляции 0.70).

Приведены сведения об исследовании зрительного восприятия, в результате которого выявлены положительные корреляции между скоростью выполнения заданий и успешностью обучения (по экспертным оценкам преподавателей) и другими показателями. Также была разработана методика исследования, направленного на изучение способности к интуитивным решениям.

Таким образом, несмотря на ранее сформулированные задачи ОПЛ, существенная часть исследований была направлена на изучение профессионально важных качеств командного состава РККА, обучавшегося в академии.

Также в отчете упоминается исследование, проведенное ОПЛ по инициативе Политического управления РККА по изучению читательских интересов красноармейцев. Указывается общее количество собранных анкетных листов, содержащих ответы на 15 вопросов, — 10750. Ко времени подготовки отчета было обработано около половины анкет. Промежуточные результаты этого масштабного исследования были опубликованы в статье Н.А. Рыбникова “Что и как читают московские красноармейцы” (1921) и представлены им на первом Всероссийском съезде библиотечных работников Красной армии и Флота “Изучение психологии

читателя” (1922). А в монографии “Массовый читатель и книга” (1925) был приведен полный анализ читательских интересов красноармейцев.

В докладе указывалась важная работа по сбору документов, отражающих индивидуальные переживания, связанные с военным делом, а также по разработке “биографического и психографического материала”.

В планах лаборатории было проведение масштабного исследования интеллекта красноармейцев с использованием шкалы Бине—Симона и изучение индивидуальных особенностей красноармейцев с использованием теста Роршаха (в оригинале — Розбаха). В распоряжении ОПЛ имелся соответствующий оригинальный альбом.

В отчете приводится и такое направление работы ОПЛ, как ответы на обращения военных организаций и подразделений по вопросам военной психологии, например библиотечного отделения Реввоенсовета, Всеобуча, курсов военной маскировки, а также Политуправления РККА.

Отчет завершается перечислением *трудностей*, с которыми сталкивалась ОПЛ в конце 1921 — начале 1922 г.:

- 1) игнорирование руководством академии предложений ОПЛ о включении: разработанного курса по военной психологии в программу обучения слушателей; информационных лекций для слушателей; доклада для военно-научного общества академии (в этот период общество возглавлял начальник академии);
- 2) невозможность попасть на личный доклад к начальнику академии;
- 3) отсутствие финансирования на приобретение оборудования;
- 4) частные переезды ОПЛ в конце 1921 г., приведшие к утрате части данных и оборудования.

Управление делами всех военных академий РККА в марте 1922 г. поручило Г.Ф. Гирсу² изучить деятельность ОПЛ и представить в рапорте ответы на следующие вопросы: насколько целесообразно существование ОПЛ; если целесообразно, то какое место в организационно-штатной структуре военных учебных заведений она должна занимать;

² Георгий Федорович Гирс (1877–1943?) — военный педагог и военный теоретик, в 1905 г. закончил Александровскую военно-юридическую академию, в 20-х годах XX в. был начальником Военно-педагогической академии и главным редактором “Военно-педагогического журнала”. В 1922 г. — штатный преподаватель Военной академии РККА, также выполнял научные поручения Управления делами всех военных академий РККА.

соответствуют ли результаты деятельности ОПЛ задачам РККА; насколько реалистично выполнение тех широких задач, которые ставит перед собой ОПЛ; “можно ли ждать реальных результатов ОПЛ при данной обстановке и при методах работы, принятых в ОПЛ” (РГВА. Ф. 33758. Оп. 1 Д. 105. Л. 2).

В рапорте Г.Ф. Гирса от 11 апреля 1922 г. указывается, что: существование ОПЛ необходимо; ОПЛ занимает адекватное место в организационно-штатной структуре академии; задачи ОПЛ не в полной мере соответствуют задачам армии; поставленные задачи чрезмерно обширны, необходимо сконцентрироваться на “обслуживании кафедры военной психологии” и решении задач только в интересах академии. Содержание последнего пункта рапорта Г.Ф. Гирса противоречит данным о том, что курс психологии в этот период не был включен в учебные планы академии, а в именных списках штатных и нештатных преподавателей академии не указан ни один преподаватель по психологическим дисциплинам. Также Г.Ф. Гирс рекомендует формировать кадровый состав лаборатории в основном из числа офицеров, а при них только в качестве консультантов могли быть психологи.

В целом выводы Г.Ф. Гирса находятся в полном соответствии с содержанием опубликованной им в 1921 г. программной статьи “Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой”, где он дает оценку развитию военной психологии как слабо разработанной дисциплины для практического применения в военном деле. Вместе с тем военная психология была им указана как неотъемлемая часть системы военного знания [4, с. 53]. Подчеркивая значение “морального фактора” в успехе военных действий, Г.Ф. Гирс отмечал практически полное отсутствие анализа психологического содержания переживаний в условиях боя, особенно в отечественной военной психологии. В качестве первоочередных исследовательских задач для отечественной военной психологии Г.Ф. Гирс указывал изучение “рядового бойца и вождей, действующих в разнообразных условиях боевой обстановки” [Там же, с. 63], особенно — эмоциональных состояний, прежде всего страха [Там же, с. 71]. Вопросы обучения и подготовки командного состава армии, воинских подразделений и отдельных бойцов автор относил к проблематике военной педагогики.

Через 2–3 месяца после проверки, летом 1922 г., была опубликована статья Т.Е. Сегалова о результатах изучения профессионально важных качеств командиров и начальников штабов Красной Армии — слушателей академии. Автор описал специальные

профессионально важные качества военачальников и начальников штабов, выделяя три личностных типа: “предусмотрительные — стратегически мыслящие”, “рассудительные — способные к тактическим действиям (способность принятию к интуитивным верным решениям)” и “исполнительные”. При перечислении личностных качеств, необходимых лицам “исполнительного” типа, автор отмечал такое качество, как нервно-психическая устойчивость, однако не обозначал его специальным термином.

В статье указаны методики, использованные в исследовании, — быстрая сортировка слов по шести категориям (на слух), “штрихат и пунктат, dreivormmethode” (содержание этих методик установить пока не удалось, за исключением того, что “штрихат и пунктат” предполагали выявление способности сосредоточиться на работе, требующей “быстроты и точности руки и глаза и умения не отвлекаться”) [25, с. 61].

Автор выстраивает иерархию уровней волевой одаренности, определяя “исполнительных” как представителей уровня более общего, ниже лежащего по отношению к “рассудительным” и “предусмотрительным”, и указывая, что ниже лежащие уровни волевой одаренности являются необходимой основой для выше лежащих. При этом возможности психологического отбора Т.Е. Сегалов видел в отсеке “неспособных” к конкретной деятельности, а не в выявлении наиболее способных.

К сожалению, пока не найдены подробные сведения о последующем развитии событий в ОПЛ, однако стоит отметить несколько фактов.

1. Летом 1922 г. был подготовлен проект штата Военной академии РККА, в котором ОПЛ отсутствовала. Проект штата ОПЛ был подготовлен отдельным документом и предусматривал всего 5 штатных единиц (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1 Д. 186. Л. 48).

2. Изученные материалы начиная с лета 1922 г. не содержат упоминаний о деятельности сотрудников лаборатории первого состава.

3. В опубликованных автобиографиях и трудах профессора Н.А. Рыбникова и профессора Н.И. Жинкина не найдены упоминания об их работе в академии.

С уверенностью можно утверждать, что активная работа лаборатории “первого призыва” завершилась летом 1922 г. Также с сожалением можно констатировать утрату ценных данных, полученных в процессе исследований, результаты которых не были опубликованы. Многие исследования не были доведены до завершения, и в дальнейшем

уже бывшие сотрудники ОПЛ решали вне военного ведомства те научные задачи, которые впервые были поставлены в ОПЛ.

ВТОРОЙ ЭТАП РАБОТЫ ЛАБОРАТОРИИ

В книге учета постоянного состава Военной академии РККА отражено поступление на работу новых сотрудников ОПЛ в конце 1922 — начале 1923 г. Так, Лебедев Петр Петрович (1865—?) стал заведующим ОПЛ. Доктор Дубровин Евгений Алексеевич (1889—?) стал его помощником. Петровский Николай Васильевич (1890—1931?) поступил на должность счетчика ОПЛ, а в последующем стал помощником заведующего. Никольский Николай Петрович (1901—?) работал в ОПЛ сначала в должности статистика, а затем — ассистента. Шумская Зинаида Александровна (1896—?) пришла в ОПЛ в феврале 1923 г. (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 180).

Новое положение об опытной психо-физиологической лаборатории было утверждено 14 июля 1923 г. и предполагало переименование лаборатории, а также изменение тематики исследований (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189. Л. 49). В полной мере это сделать не удалось. В дальнейшем в документах академии возникла путаница: лабораторию часто называли по первому наименованию — психологической. Вероятно, это отражало несущественные изменения в методах исследований лаборатории.

В положении об опытной психофизиологической лаборатории основной целью ее деятельности указано научное психологическое и физиологическое исследование обучающихся в академии. Задачи лаборатории определялись так: нормирование учебной работы слушателей академии; выяснение их индивидуальных наклонностей и свойств; психофизиологические исследования юношей, обучающихся в военных учебных заведениях при Малом академическом военно-педагогическом совете (МАНПС). Отдельный пункт положения определял порядок назначения заведующего ОПЛ: его кандидатура должна была согласовываться с МАНПС.

Необходимо отметить, что более точное наименование лаборатории было бы не “психофизиологическая”, а “психологическая и антропометрическая”. Экспериментальная работа ОПЛ координировалась секцией психофизиологии МАНПС, членом которой являлся А.П. Нечаев. По указаниям этого совета проводились масштабные антропометрические исследования в военных учебных

заведениях. Представляет интерес, что в заключительном отчете ОПЛ приводятся результаты корреляционного анализа между показателями памяти, внимания, мышления, скорости реакции и 1) оценками слушателей на промежуточных аттестациях и 2) их антропометрическими показателями. И если в первом случае коэффициенты корреляции лежали в диапазоне от 0.37 до 0.73 в зависимости от периода промежуточной аттестации, то во втором случае коэффициенты корреляции варьировались от 0.09 до 0.23.

Об определенном статусе лаборатории свидетельствует приказ Реввоенсовета 1923 г., определивший порядок приема слушателей в академию (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189. Л. 76). Кандидаты на обучение должны были последовательно пройти: делопроизводство; медицинскую комиссию; опытную психофизиологическую лабораторию; мандатную комиссию; учебные испытания.

Психологическое исследование проводилось в группах по 30–40 человек. Краткое заключение по каждому кандидату предоставлялось в мандатную комиссию не позднее следующего за тестированием дня [17, с. 17].

Приказ Реввоенсовета СССР от 28 сентября 1924 г. № 1208 предписывал расформировать лабораторию в связи с открытием Центральной психофизиологической лаборатории Военного санитарного управления РККА (РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 197. Л. 245). Положение о Центральной лаборатории предусматривало ее работу прежде всего в интересах военно-воздушного флота. Это означало полное свертывание систематических психологических исследований в Военной академии РККА. Ранее, в апреле 1924 г., был упразднен Высший академический военно-педагогический совет, в составе которого был учрежден МАНПС.

Основные итоги деятельности ОПЛ в 1923–1924 гг. были изложены в отчете “Опыт психологической работы в Военной академии РККА”. Среди его авторов (П.П. Лебедев, Н.В. Петровский, З.А. Шумская, Н.П. Никольский) уже не было ни одного сотрудника ОПЛ состава 1920 г. В качестве основной задачи ОПЛ указано исследование “психической работоспособности слушателей в связи с их физическим состоянием в конкретных условиях работы” [17], что отличается от задач, сформулированных ранее в положении 1923 г. и свидетельствует о незавершенности цикла исследований.

В отчете подробно описаны используемые при проведении групповых исследований методики, в том числе применяющиеся в работах МАНПС,

заимствованные из арсеналов профессоров Ф.Е. Рыбакова и А.П. Нечаева, а также использованные в исследованиях американской армии.

Необходимо отметить, что заимствование части методик совсем не случайно, поскольку П.П. Лебедев, З.А. Шумская, Н.В. Петровский являлись сотрудниками Московского психоневрологического института, первым руководителем которого являлся Ф.Е. Рыбаков и в котором с 1921 г. работал А.П. Нечаев.

В ОПЛ внимательно относились к изучению американского опыта. До 1924 г. Н.В. Петровский составил альбом тестов, использованных в американской армии. А результатом изучения им организационных и методических аспектов проведенных в США исследований стала статья “Психотехнические испытания в американской армии”, опубликованная весной 1924 г. [18].

На втором этапе работы ОПЛ в исследования были включены более 800 респондентов. В отчете приведены данные изучения динамики работоспособности различных категорий слушателей академии в течение учебного года. Результаты ряда исследований, проведенных в академии, сопоставлялись с данными аналогичных исследований, полученных в других военных учебных заведениях разного уровня, гражданских учебных заведениях, группах рабочих и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В деятельности лаборатории явно прослеживаются два этапа, отличающиеся не только персональным составом сотрудников, но и спектром выполняемых задач. В трудах сотрудников лаборатории в 1920–1922 гг. не обнаруживается единства и согласованности подходов к исследованиям. Скорее они носили поисковый характер и не имели четкого теоретического обоснования и конкретного практического приложения (за исключением изучения читательских интересов красноармейцев). Методологические проблемы прикладной военной психологии обозначались только в работе Н.И. Жинкина, который по своему статусу не мог претендовать на позицию лидера научного коллектива. Также можно с сожалением отметить определенную небрежность и недостаточность в описании исследований, проведенных на этом этапе.

С начала 1923 г. можно говорить о втором этапе деятельности лаборатории. Тематика исследований заметно сузилась и в основном сконцентрировалась на изучении интеллектуально-мнестической сферы слушателей академии, а проблемы

социальной психологии более не затрагивались. Вместе с тем на этом этапе можно отметить общее повышение культуры представления результатов проведенных исследований. Работа лаборатории, по всей видимости, носила более организованный и планомерный характер.

Ценным явилось и прямое обращение к опыту зарубежных армий, и расширение спектра заимствованных методик. Однако признаков программных заявлений не выявлено. Практическую ценность своей работы в 1923–1924 гг. сотрудники лаборатории видели в совершенствовании мероприятий профессионального психологического отбора кандидатов на обучение в академии и консультативном сопровождении процесса обучения. При этом теоретическое обоснование исследований, выбор методического аппарата делегировались психофизиологической секции МАВПС. Другими словами, лаборатория в определенном смысле утратила самостоятельность в научном поиске и не имела свойственных только ей исследовательских задач, что в конечном итоге могло способствовать ее закрытию.

Несмотря на существенные различия в условиях и содержании двух этапов деятельности ОПЛ, их объединяет общая интенция — поиск ответов на злободневные вопросы руководства и командиров РККА в контексте повышения боеспособности войск с использованием возможностей психологической науки.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что создание и функционирование ОПЛ может рассматриваться как важный организационный показатель институционализации военно-психологических исследований в РККА [7]. Деятельность ОПЛ определялась соответствующими нормативными документами, работа носила в целом систематизированный и массовый характер, сотрудники контактировали с другими психологами и институциями, проводили достаточно большой объем конкретных эмпирических исследований, многие из них и после закрытия лаборатории остались в психологии и внесли значимый вклад в ее развитие. Деятельность ОПЛ конституировала важнейшее направление военно-психологических исследований — *военный профессиональный психологический отбор*.

Вместе с тем попытки внедрения психологических знаний и психологической практики в РККА не всегда были успешными. Так, при создании академии в 1918 г. была предусмотрена кафедра военной психологии, а в обязательную программу обучения была включена дисциплина “Военная психология”. Вместо этого М.А. Рейснер прочитал курс социальной психологии. Однако в программах

обучения последующих курсов эта дисциплина перестала быть обязательной. Причиной изменений было то, что “всякая попытка ввести в академическое преподавание предметы, не отвечающие... принципу утилитарной науки, встречали со стороны слушателей самое упорное сопротивление. Так было с курсом философии войны, военной психологии... и некоторыми другими” [5, с. 12]. Перечень таких примеров, в которых возникали противоречия между запросами практики и реализуемыми решениями, может быть продолжен. Постепенное разочарование в утилитарных результатах военно-психологических исследований привело к ликвидации ОПЛ, закрытию одних исследовательских тем и перераспределению других в пользу психофизиологии, развивающейся в рамках военной медицины, и забвению ОПЛ на продолжительный период. Реинституционализация отечественных военно-психологических исследований началась только в конце 50-х годов XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бызов Л.А. Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
2. Военная академия РККА. Приказы РВСР 22.06.1922–21.12.1922 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186.
3. Всероссийский Главный штаб (Всеголавштаб) (8 мая 1918 г. — 10 февраля 1921 г.) // РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 186.
4. Гирс Г.Ф. Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой // Военная наука и революция: военно-научный журнал. 1921. Кн. 1. С. 47–86.
5. Два года красной академии Генерального штаба (1918 — сентябрь 1920 г.): сборник / Под ред. В. Виленского (Сибирякова). М.: ГИЗ, 1921.
6. Дьячук И.А. Опытная психологическая лаборатория академии Генерального штаба РККА как прототип психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 53–57.
7. Елисеева И.Н. Развитие научной школы теории и методологии профессионального психологического отбора в ВС: критерии, этапы, факторы развития // Историческая преемственность отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 331–342.
8. Жинкин Н.И. Что такое психотехника военного дела // Красная армия. Вестник ВНО. 1921. № 1–2. С. 23–30.
9. Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии “VI Московские встречи”, 30 июня — 2 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 7–15.
10. История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “IV Московские встречи”, 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
11. История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “V Московские встречи”, 30 июня — 3 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
12. Казанцева Е.В. Библиопсихология Н.А. Рубакина в развитии советской психологии читателя и чтения 1920–30-х годах: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д., 2006.
13. Книга учета постоянного состава Военной академии РККА (1919–1921). № 1 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 157.
14. Книга учета постоянного состава Военной академии РККА (1922–1925) // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 180.
15. Лысаков Н.Д., Гандер Д.В., Лысакова Е.Н. Побеждая время и обстоятельства: “Очерки психологии для летчиков” К.К. Платонова и Л.М. Шварца // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 105–110.
16. Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. 3-е изд. Петроград: Типография П.П. Сойкина, 1917.
17. Опыт психологической работы в военной академии РККА / Лебедев П.П., Петровский Н.В., Шумская З.А. и др. М.: Военная академия РККА, 1925.
18. Петровский Н.В. Психологические исследования в американской армии // Военная мысль и революция. 1924. Кн. 3. С. 163–181.
19. Приказ РВСР № 340 от 2 марта 1920 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9.
20. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1920 г. Том № 1 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 159.
21. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1923 г. № 173–360 // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 189.

22. Приказы по академии. Административно-строевой отдел. 1924 г. // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 197.
23. *Радченко Ю.И.* 25 лет деятельности научно-практического центра военно-профессиональной ориентации и отбора на военную службу // Профессиональный психологический отбор в системе комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации (к 25-летию научно-практического центра военно-профессиональной ориентации и отбора на военную службу) / Под общ. ред. А.В. Сержантова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. С. 10–25.
24. *Рыбаков Ф.Е.* Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц. СПб.: КАРО, 2008.
25. *Сейгаль.* Классификация командного состава по типам волевой одаренности // Красная армия. Вестник ВНО при Военной академии. 1922. № 16–17. С. 58–62.
26. *Стоюхина Н.Ю.* Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.): Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013.
27. Схемы, сведения, переписка о реорганизации военных академий и их деятельности (1921–1922) // РГВА. Ф. 33758. Оп. 1. Д. 105.
28. *Шпильрейн И.Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 247–285.
29. *Эткинд А.* Эрос невозможного История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.

FROM THE HISTORY OF MILITARY PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN THE RED ARMY IN THE 1920s YEARS³⁾

I. N. Yeliseyeva^{1,*}, Yu. N. Oleynik^{2,**}, Yu. I. Radchenko^{1,***}

¹*Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation;
119571, Moscow, Vernadsky av., 100, Russia.*

²*Moscow University for the Humanities;
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

^{*}*PhD, Senior Researcher at the Scientific and Practical Center.
E-mail: vagsh@mail.ru*

^{**}*PhD, Head of the Department of General Psychology and the History of Psychology,
E-mail: yurii03@mail.ru*

^{***}*Head of the Scientific and Practical Center.
E-mail: vagsh@mail.ru*

Received 12.03.2020

Abstract. The identification of indicators of the institutionalization of psychological knowledge contributes to the reconstruction of the complex dynamics of the development of domestic psychology. As one of such indicators, the creation and operation of officially approved scientific and scientific-practical centers is considered. An indicator of the institutionalization of military psychological research at the beginning of the 1920s was the organization of the Experimental Psychological Laboratory at the Academy of the General Staff of the Red Army. Two stages of her work are distinguished, differing in research topics and personnel. One of the indicators of uninstilling military-psychological research in this historical period was the liquidation of the laboratory.

Keywords: history of psychology, military psychological research, professional psychological selection, psychotechnology, experimental psychological laboratory.

REFERENCES

1. *Byzov L.A.* Institut sotsialnoy psikhologii v Moskve. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2011. № 4 (104). P. 107–130. (In Russian)
2. *Voyennaya akademiya RKKA. Priказы RVSR* 22.06.1922–21.12.1922. RGVA. F. 24696. Op. 1 D. 186. (In Russian)
3. *Vserossiyskiy Glavnyy shtab (Vseroglavshstab)* (8 maya 1918 g. — 10 fevralya 1921 g.). RGVA. F. 11. Op. 1. D. 186. (In Russian)
4. *Girs G.F.* Zadachi nauki i voyennaya doktrina v svyazi s perezhivayemoy nami revolyutsionnoy epokhoi.

³⁾ The study was supported by the RFBR grant 19-013-00779.

- Voyennaya nauka i revolyutsiya: voyenno-nauchnyy zhurnal. 1921. Kn. 1. P. 47–86. (In Russian)
5. Dva goda krasnoy akademii Generalnogo shtaba (1918 — sentyabr 1920 g.): sbornik. Ed. V. Vilenskiy (Sibiryakov). Moscow: GIZ. 1921. (In Russian)
6. *D'yachuk I.A.* Opytnaya psikhologicheskaya laboratoriya akademii General'nogo shtaba RKKA kak prototip psikhologicheskoi sluzhby Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1. P. 53–57. (In Russian)
7. *Eliseeva I.N.* Razvitie nauchnoi shkoly teorii i metodologii professional'nogo psikhologicheskogo otbora v VS: kriterii, etapy, faktory razvitiya. Istoricheskaya preemstvennost' otechestvennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 331–342. (In Russian)
8. *Zhinkin N.I.* Chto takoye psikhotekhnika voyennogo dela. Krasnaya armiya. Vestnik VNO. 1921. № 1–2. P. 23–30. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N.* Izuchenie otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: rezul'taty i perspektivy issledovaniy. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: sud'by uchenykh, dinamika idei, sodержание kontseptsii. Materialy vserossiiskoi konferentsii po istorii psikhologii "VI Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 2 iyulya 2016 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 7–15. (In Russian)
10. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: Postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii "IV Moskovskie vstrechi", 26–29 iyunya 2006 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
11. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: tsenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii "V Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 3 iyulya 2009 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010. (In Russian)
12. *Kazantseva E.V.* Bibliopsikhologiya N.A. Rubakina v razvitii sovetskoi psikhologii chitatel'ya i chteniya 1920–30-kh godakh: Dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.01. Rost. gos. un-t. Rostov-na-Donu, 2006. (In Russian)
13. Kniga ucheta postoyannogo sostava Voennoy akademii RKKA (1919–1921). № 1. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 157. (In Russian)
14. Kniga ucheta postoyannogo sostava Voennoy akademii RKKA (1922–1925). RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 180. (In Russian)
15. *Lysakov N.D., Gander D.V., Lysakova E.H.* Pobezhdaya vremya i obstoyatel'stva: "Ocherki psikhologii dlya letchikov" K.K. Platonova i L.M. Shvartsa. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. T. 40. № 2. P. 105–110. (In Russian)
16. *Nechayev A.P.* Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya v eye otnoshenii k voprosam shkol'nogo obucheniya. Izdaniye tret'ye. Petrograd: Tipografiya P.P. Soykina, 1917. (In Russian)
17. Opyt psikhologicheskoy raboty v voyennoy akademii RKKA. Lebedev P.P., Petrovskiy N.V., Shumskaya Z.A. i dr. M.: Voennoy akademii RKKA, 1925. (In Russian)
18. *Petrovskiy N.V.* Psikhologicheskie issledovaniya v amerikanskoy armii. Voennoy mysl i revolyutsiya. 1924. Kn. 3. P. 163–181. (In Russian)
19. Prikaz RVSR № 340 ot 2 marta 1920 g. RGVA. F. 4. Op. 12. D. 9. (In Russian)
20. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otel. 1920 g. Tom № 1. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 159. (In Russian)
21. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otel. 1923 g. № 173–360. RGVA. F. 24696. Op. 1. D. 189. (In Russian)
22. Prikazy po akademii. Administrativno-stroyevoy otel. 1924 g. RGVA. F. 24696. Op. 1 D. 197. (In Russian)
23. *Radchenko Yu.I.* 25 let deyatelnosti nauchno-prakticheskogo tsentra voenno-professional'noi orientatsii i otbora na voennuyu sluzhbu. Professional'nyi psikhologicheskii otbor v sisteme komplektovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii (k 25-letiyu nauchno-prakticheskogo tsentra voenno-professional'noi orientatsii i otbora na voennuyu sluzhbu). Ed. A.V. Serzhantov. Moscow: VAGSh VS RF, 2019. P. 10–25. (In Russian)
24. *Rybakov F.E.* Atlas dlya eksperimentalno-psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti s podrobnym opisaneyem i obyasnением tablits. Saint-Petersburg: KARO. 2008. (In Russian)
25. *Seygal.* Klassifikatsiya komandnogo sostava po tipam volevoy odarennosti. Krasnaya armiya. Vestnik VNO pri Voennoy Akademii. 1922. № 16–17. P. 58–62. (In Russian)
26. *Stoyukhina N.Yu.* Vydayushchiesya psikhologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.): Monografiya. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. (In Russian)
27. Skhemy, svedeniya, perepiska o reorganizatsii voyennykh akademiy i ikh deyatelnosti (1921–1922). RGVA. F. 33758. Op. 1. D. 105. (In Russian)
28. *Shpil'reyn I.N.* O povorote v psikhotekhnike. Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda. 1931. № 4–6. P. 247–285. (In Russian)
29. *Etkind A.* Eros nevozmozhnogo Istoriya psikhoanaliza v Rossii. Saint-Petersburg: Meduza, 1993. (In Russian)